

Маричка Вада

Дневники Сузурри

Иногда начало уже конец

*Красный цветок,
Исторгает из себя ядовитые брызги,
Бездержных чувств.
Страсть,
Дикая огненная страсть,
Как жгучая лава,
Как раскаленная стрела,
Жжет...*

Fleur

Глава 1

Поздним августовским вечером я возвращался домой из бара, где с приятелями отмечал очередное завершение трудовой недели, сдабривая разговоры парами бокалов пива. Катерина, девушка с которой я жил последнее непродолжительное время, уехала на все выходные к своим родителям, и я мог позволить себе не спешить. Медленно брел я по пустынным улочкам, и мои шаги гулко отзывались в темноте спящего города. Слабый ласковый ветерок, какой бывает в это время года только у нас на юге, обдавал прохладой, успокаивая уставшие от

дневного летнего зноя бетонные здания и асфальтированные дороги. Я люблю это время суток, люблю вот так бродить в одиночестве, упорядочивая свои мысли с каждым новым шагом.

После таких бурных вечеринок мне всегда чудится, будто я опустошен; будто слова, что вылетали из моих уст, выхватывали с собой из сердца горящие угли, даря собеседникам мои силы; оставляя его, это сердце, все больше безжизненным и блеклым. Нет, среди приятелей я прослыл шутником и затейником, но моему естеству куда ближе уединение. Только я, ночь, звезды и одиночество.

Я посмотрел на темное небо, усыпанное миллиардами мерцающих искр. Как часто задаю себе банальные нелепые вопросы: А что там, за гранью? Есть ли жизнь на других планетах? Что за пределами видимого нами пространства? Может, там действительно скрывается от наших глаз Бог? И существует ли эта грань на самом деле или же она только плод человеческого воображения? Наверное, из-за этих нескончаемых вопросов в моем сознании я и стал писателем.

Но в тот вечер мне никак не удавалось сосредоточиться на своем внутреннем мире. Впервые стало неуютно наедине с собой. Если говорить точнее, меня захватило какое-то странное чувство, будто я вовсе не один, будто кто-то следит

за каждым моим вдохом, движением, мыслью. Пару раз я резко оборачивался, но видел лишь собственную тень, скользящую от фонаря прочь, в черноту неба. В какой-то момент мне даже стало смешно. С чего бы такая паранойя? Мне это совсем не свойственно. И все же, как только я входил на неосвященный участок улицы, липкий животный страх подкатывал к горлу огромный ком, не давая нормально вздохнуть. Невольно прибавив шаг, я почувствовал, как тревожное чувство все ширится и расплзается по мне, проникая в самые потаенные уголки души. Да что, черт возьми, происходит? Кого мне бояться? Мое поджарое тело, благодаря еженедельным тренировкам, весьма гибкое и довольно жилистое, хотя внешне я выгляжу как среднестатистический молодой человек двадцати девяти лет. Сколько раз влезал в драки и не сосчитать. И если меня пленил азарт битвы, пощады не было никому, даже неудачно подвернувшимся под руку в тот момент соратникам.

Я остановился под светом, льющимся из окна первого этажа, и глубоко вздохнул. Как там меня учили: «Руки в замок за спиной и мысли постепенно успокаиваются». Это, кажется, практика из йоги, она всегда срабатывала, если я вдруг переставал контролировать свои эмоции.

И все же что-то завладело мной настолько, что

любые попытки успокоиться вселяли еще большую панику в сознание. Уже на подходе к подъезду своей съемной квартиры, я практически побежал. Быстро отыскав ключи в кармане, я юркнул в освещенный тамбур и поскорей отпер входную дверь. Первым делом щелкнув выключателем, закрылся с внутренней стороны. Только после этих манипуляций меня попустило. Я рассмеялся. Представляю, с каким лицом меня бы встретила Катерина, пояись я такой взъерошенный и сам на себя не похожий.

— Евгений, ты дурень! — сказал я себе. — Испугался собственной тени!

Но смешок вышел каким-то скомканным и нервным. Наверное, это сказывается переутомление. Тяжелая рабочая неделя, громкая музыка и алкоголь добили и без того измученную нервную систему. Мне просто надо отдохнуть. Прохладный душ, и мягкая свежая постель приветливо встретила меня.

Закрывая глаза, я поддался воли госпожи Фантазии. Люблю это состояние перед сном. Усталый мозг рисует радужные картинки, раскладывая впечатления в нужном ему порядке, постепенно погружая тело в крепкий сон. Все шло как обычно, яркие вспышки пережитых за последние дни эмоций, оставивших неизгладимые воспоминания, чередовались одна за другой, как

вдруг накатившее из ниоткуда отчаяние, страх и удушье сковали мое тело. Я лежал, силясь пошевелиться, а паника, вкупе с охватившим ужасом, только усиливались. В ушах стоял тонкий монотонный писк, который все нарастал и нарастал, становясь уже невыносимым, казалось, голова вот-вот разорвется. Происходящее вокруг, очертания предметов в комнате, потолок, даже привычный рисунок на стене — я видел все отчетливо, но протянуть руку и дотронуться до чего-либо я не мог.

Раздался стук в дверь. Ровные три удара. Я попытался крикнуть, но только сдавленный хрип вырвался из моего горла. Черт побери, я должен встать! Стук опять повторился, и тут же я услышал, как входная ручка повернулась, скрипнула дверь и в комнату кто-то вошел. Паника завладела мной полностью. Я беспомощный лежал и не мог пошевелиться, тем временем как кто-то хозяйничал у меня дома! Вновь попытался закричать, но ничего не вышло. Тень прошла, нет, она проплыла мимо и встала у меня в ногах. Я не видел лица, только черная клякса вместо него зияла под капюшоном. Хищно блеснули два огонька в предполагаемом районе глаз. Сознание билось в агонии, повторяя: «Нет! Не приближайся, умоляю!» Но тень медленно села мне на ноги, и я почувствовал неподъемную

тяжесть. Не оставляя надежды скинуть с себя незнакомца, я безуспешно пытался пошевелиться.

— Кто ты? — мысленно выкрикнул вопрос в пустоту, осознавая тщетность попыток справиться с пришельцем.

— Думал спрятаться от нас? Не выйдет, мы тебя везде найдем! — тень мгновенно приблизилась к глазам и буквально впечаталась в лицо, больно ударив в лоб.

Я резко сел. Мое дыхание сбивчиво, со свистом вырывалось из раздувающихся от ярости ноздрей, холодный пот обливал тело, которое била крупная дрожь. В комнате я был один, а дверь оказалась закрыта.

Это просто ночной кошмар! Но, черт подери, такой реалистичный. Я облегченно выдохнул и прилег обратно, но тут же почувствовал, как в ушах вновь появился этот едва различимый гул. Еще раз испытать такое мне меньше всего хотелось, и хоть вылезать из постели было лениво, я заставил себя встать и пройти по квартире. Выпил немножко холодной воды, проверил заперта ли входная дверь, выкурил сигарету и, совершенно успокоившись, опять улегся спать. Впервые в жизни я пожалел, что остался один.

Закрывая глаза и погружаясь в сон, я ощутил, как навязчивое состояние вновь пытается

вернуться. Пришлось включить свет и достать книгу. Кажется, это был Фабр «Жизнь насекомых». Я открыл главу про жуков-навозников и принялся читать, но мысли мои были сбивчивы, взгляд прыгал через строчку, и уже скоро скарабей лично предлагал покатать шар и расписывал достоинство буйволового навоза. Проснулся я утром измятым, все тело ныло, а на душе скреблись жуки-навозники. Надо не забыть сказать Катерине, что я без нее страдал.

Глава 2

Лежа в постели, я размышлял о прошедшей ночи. Конечно, сейчас все это казалось дурным сном. Наверняка, пойло в баре было не очень качественное, организм отравился, и это дало такой странный эффект. Мне нужно все это как-то объяснить самому себе с точки зрения здравого смысла.

Пришлось буквально заставлять себя вылезать из постели. Сегодня у моих родителей годовщина и я обещал маме обязательно быть. Что ж, хоть иногда наша большая семья собирается вместе. Надеюсь, придут все мои сестры со своими детьми.

Я родился и вырос в небольшом городке, который еще десять лет назад именовался деревней.

Пара высоток, не более пяти этажей, ютились на главной улице. Грязные кривые дороги, усеянные по обе стороны неказистыми домами; дворы, полные разной домашней живности; училище да школа — вот такое разнообразие архитектуры. Все в этом городе знали друг друга в лицо и по странной, заведенной еще сотни лет назад, традиции следили за жизнью соседей. Вечерами, украдкой, выходили покурить и заглядывали через забор: а что делается там, за стеной? И если ты, не дай бог, по какой-то причине занавесил окна, закрыл ставни — слухи и выдумки, одна нелепей другой, тут же покрывали твоё доброе имя. При встрече и в разговорах только и слышались: сплетни, сплетни, сплетни. Мне кажется, что сама жизнь, в подобного рода деревнях, крутится вокруг одного простого правила — не ударить в грязь лицом перед другими.

Я терпеть не мог этих разговоров, не понимая, зачем все это знать. Мне казалось, что моя жизнь гораздо насыщенней, чтобы питаться какими-то далекими сведениями. Мы гоняли ватагой мальчишек со всей улицы к речке и обратно, по лесочку, что расположился в паре километров от города, рыбачили, дрались, производили археологические раскопки на свалке, иногда отыскивая что-то забавное и необычное. У меня

было интересное и веселое детство, пока постепенно я не начал отдаляться от сверстников, все больше уделяя внимание своей семье.

Когда я рассказываю о количестве своих родственников, то вижу, как многие в неподдельном неприятии качают головой. Как по мне, я — счастливчик, получивший, своего рода, джек-пот. Дело в том, что родители одарили меня двумя старшими и одной младшей сестренкой. Конечно, младшая не запланированная, но когда мать узнала о то, что вновь беременна, делать аборт было поздно.

Благодаря этому я интуитивно знал, как обращаться с дамами и никогда не испытывал проблем с противоположным полом. Перед глазами всю жизнь наблюдались три стадии взросления женщины, и на практике я четко угадывал, что необходимо сказать и как, из-за чего прослыл довольно галантным кавалером и сердцеедом. К тому же мои сестры были абсолютно разными, как внешне, так и внутренне, что еще больше расширяло мои познания в таком непростом и скользком деле.

Самая старшая всегда вела себя как курочка-наседка. В детстве она часто оставалась следить за нами, пока мать вкалывала на двух работах, и видимо со временем срослась с этой ролью. Елена, так ее звали, кормила нас, помогала

одеваться, делать домашнее задание и, конечно, ласкала и жалела, если это было необходимо. От нее всегда исходило какое-то тепло, запах топленого молока и домашних печений. Вот именно она в нашей семье и создавала уют. Выйдя замуж, уже став матерью собственных детей, Елена не забывала воспитывать остальных. Помню, как показал ей свою первую татуировку. Она на несколько минут потеряла дар речи, и только опомнившись немного, смогла изречь: «Ну, ты даешь, сумасшедший! Хотя, что еще от тебя ожидать? Ремнем бы отходить, да сдачи уже получить можно». Позже, когда татуировок значительно прибавилось, Лена больше не высказывалась на этот счет, но всегда с неким неодобрением покачивала головой, как только ее взгляд падал на паутину в области локтя или же дракона, хвостом обвивающего другую руку. Поэтому, на семейные празднества, я стараюсь надевать рубашки с длинным рукавом. Мне отчего-то все еще важно одобрение старшей сестры.

Предвкушаю уже, как завалят меня своими стандартными вопросами — когда женюсь, когда куплю свой собственный дом, машину побогаче, одежду получше, и еще миллион «когда». Ведь мне уже почти тридцать, а «ни кола, ни двора», как выражается мать. Родители давно намекают, что

пришло мое время продолжить род. Их, конечно, понять можно, я все-таки единственный мужчина в младшем поколении, но меня удивляет это упорство, с каким старшие навязывают так называемые традиции. Моя средняя сестра, Анастасия, по воле случая стала матерью сразу троих близнецов. Сказать, что она потеряла былую привлекательность, что у нее совершенно нет времени на сон и еду, что все ее заботы крутятся вокруг отходов жизнедеятельности трех совершенно неуправляемых близнецов — это просто обозначить общие черты. Я вижу, как она страдает, страдает ее муж, но они упорно мне твердят: счастье — это дети, и я непременно обязан парочку спиногрызов себе завести. Анастасия, вообще, как-то странно в последнее время глядит на мир. Создается впечатление, будто ничего вокруг нее уже не существует — есть только она и дети. И каждый свой день она думает, чем их кормить завтра. Ее мужу, Артему, постоянно не везет с работой. Перебивается случайными шашками: то на стройке урвет куш, то на машине что-то перевезет, то разгружает фуры на оптовых базах. Из-за такой нестабильности или еще, бог весть из-за чего, у него стало сдавать и здоровье. За прошедшие полтора месяца муж Анастасии просидел дома вначале с гипсом на ноге, а, как только оправился, сразу же заработал гайморит.

Летом. Казалось, у него началась тотальная черная полоса, которая тяжелым грузом тянет все глубже на дно, а он никак не может вырваться, увлекая туда мою сестру и племянников. Но, несмотря на это, супружеская чета, да и остальные, наперебой твердят — в детях смысл существования. Может я еще не дорос до осознания этого, но пока существую так, сам по себе. Это, конечно, эгоистично, но я никому ничего не должен и это меня устраивает полностью.

Холодный душ, чашка крепкого кофе и сигарета полностью сняли отпечатки ночного кошмара. Знаю точно, кого повеселят эти тени. Моя младшенькая сестричка, Матильда, всегда тянулась ко всему странному, да и сама она была немного не от мира сего. Ее часто можно было застать сидящей в какой-нибудь экзотической позе, неотрывно смотрящей в одну точку и размышляющей об устройстве мироздания. Даже сейчас, когда она уже и вышла замуж, и старается жить как учат родители, стремясь к видимому довольству, сестра не оставила эту странную и редкую в наши дни привычку — думать. Нет, думаем мы, конечно, все. Но думаем мы в основном о себе, а Матильда рассуждает. Постоянный диалог то ли с Богом, то ли с Дьяволом. Она спрашивает: Из-за чего мир создан именно так? Существует ли время на самом деле? Почему все подвержено энтропии?

Расширяется ли наша вселенная или же наоборот? Кажется, у нее есть даже своя теория на этот счет.

Вообще, у Матильды всегда голова была полна идей и удивительных умозаключений. В детстве мы любили сидеть вечерами на крыше нашего дома, так звезды нам казались ближе. Мы глядели на них, а они глядели на нас. Матильда обязательно придумывала какую-нибудь увлекательную историю, и мы путешествовали по закоулкам своей фантазии. Я непременно был сильный и гордый воин, а она прекрасная принцесса.

Телефонный звонок вырвал меня из воспоминаний о детстве. На другом конце я услышал голос мамы:

— Евгений, тебе ждть сегодня? — почему-то спросила она. Так странно, вначале приглашают, а потом с надеждой в голосе задают такой вопрос. Впрочем, в своей семье я такому не удивляюсь.

— Да. А что не нужен уже? — отшутился я в ответ.

— Ну что ты такое говоришь, мы с отцом всегда рады тебя видеть, ты же знаешь. Просто ты вечно занят, — в голосе матери прозвучала обида.

— Прости, сегодня я обязательно приеду, — пообещал я.

— Ну и хорошо, тогда ждем.

— Что-нибудь захватить по дороге?

Глава 3

Когда я оканчивал школу, все мои грезы были только об одном — поступить учиться в высшее учебное заведение в ближайшем большом городе, чтобы уехать подальше, от всегда казавшейся мне неинтересной, мещанской жизни в деревне. Но родители были категорически не согласны. Меня не хотели отпускать из-под маминой юбки. Я спорил, обижался, доказывал, был бит и заперт много раз, но продолжал настаивать на своем. Мне повезло. Директор школы верил в мою сумасшедшую звезду и был на ее стороне. Вместе мы умудрились подать документы в университет на факультет журналистики так, чтобы ни одна живая душа об этом не знала. Я с блеском сдал экзамены, получил зачисление и, на радость, комнату в общежитии. Больше ничего не могло препятствовать мечте, и за ужином я просто поставил родителей перед фактом. Мать ахнула, но замахнувшегося на меня отца, привыкшего все проблемы решать насилием, остановила.

К назначенному времени были собраны вещи и в предвкушении начала большого приключения я ворочался в постели и не мог заснуть. Около десяти вечера в мою комнату прокралась Матильда. Я улыбнулся, вот по кому действительно буду

скучать. Ее часто мучили кошмары по ночам, и она прибегала ко мне, ища защиты. Мы могли проболтать часов до трех-четырёх, чтобы потом не выспавшиеся, но счастливые, ворча друг на друга, плестись в школу. Но в этот раз она не шмыгнула по обыкновению под одеяло ко мне в ноги, а на цыпочках подошла и тревожно потрясла за плечо.

— Жека, Жека, — зашептала она, — проснись, все пропало! Они задумали плохое.

Я не сразу понял, что имеет в виду моя сестра, и попытался ее успокоить, сев на кровати и крепко прижав к себе:

— Я тоже буду по тебе скучать, милая моя Мила.

— Нет, ты не понял, — она попыталась высвободиться и в темноте взглянуть в мое лицо, — они собрались тебя запереть. Я знаю.

— Кто они? — ее беспокойство тут же передалось мне. — Родители?

— Я уверена, — Матильда утвердительно кивнула головой, — уверена. Они на что угодно пойдут, лишь бы ты остался здесь.

И неожиданно зарыдала навзрыд, а я, боясь, что ее всхлипы разбудят остальных, еще крепче сжал сестру в своих объятьях, лихорадочно соображая, что теперь делать. Так легко расставаться с надеждой на лучшее будущее я не собирался, тем более, когда большая часть пути

была уже преодолена. Но бежать в ночь бессмысленно, первый автобус в город уходит в шесть утра. Денег не было, если не считать мелочи, что мне выдали на карманные расходы еще в начале месяца.

Матильда глубоко вздохнула и взяла себя в руки:

— Послушай, есть идея, — она продолжала вздыхать, пытаясь не заплакать вновь, — правда, она идиотская, — и выжидающе посмотрела на меня.

— Раз других нет, давай идиотскую.

— Перемена мест! Я здесь, а ты у меня! Или давай вместе переночуем в моей комнате, а на твоей кровати подушки гурьбой уложим. Возьми свои вещи, и пойдем. А утром, с первыми петухами я тебя выведу из дома. На, вот, — и она протянула скомканные бумажки, — у меня в копилке было немножко сбережений.

— Слушай, ну может это неправда? Может тебе показалось? — но сестра молча покачала головой. В бессильной злобе мои руки опустились, но внезапная мысль поразила своей неотвратимостью. Я схватил сестру за локоть: — А как же ты? Если они узнают, то тебе несдобровать.

— За меня не бойся. Главное, чтобы ты смог убежать. Потом заберешь отсюда, договорились? А сейчас поспешим, а то закроют нас тут и будем

куковать вдвоем всю ночь, — как-то глупо хихикнула сестра.

Мне не хотелось верить в то, что мои родители способны на такой подлый поступок, но Матильда была серьезна как никогда. К тому же за долгое тесное общение, я привык доверять ее предчувствиям. Из многочисленных странностей моей младшей сестры очень полезным было то, что неординарные события в жизни она всегда предугадывала. Гуляя по лесу, Мила могла неожиданно остановиться, схватить меня за руку и, прибегнув к своей потрясающе выразительной мимике, выпучить и без того большие глаза, пригвоздив тем самым к месту. И обязательно перед нами проскочит олень или же упадет дерево. По ночам прибегая в слезах, она рассказывала о боли сотен людей, а на утро из новостей я узнавал, что на другом конце земного шара случилось землетрясение. В общем, не верить сестре у меня не было оснований.

Хотя, может она просто не хочет меня отпускать и желает провести последнюю ночь вместе, в разговорах? Ведь это я уезжаю, и это меня ждут и новые знакомства и другая жизнь, а она теряет единственного друга и остается в гнилом болоте. Мне тяжело было это осознавать, и я дал себе слово, что как только будет возможность — заберу ее отсюда.

Быстро одевшись, я подхватил собранную сумку, прокрался тихонько вслед за сестрой в ее спальню на чердак и прилег рядом с ней на постель. Мы привыкли ютиться в одной кровати. Она положила голову на мое плечо, закинула свою длинную тощую ногу мне на живот и крепко сжала в своих объятиях. Какая-то безумная счастливая улыбка не слезала с ее лица, не оставляя следа от былой истерики:

— Жень, я так за тебя рада, ты станешь великим! — шептала она мне. — Только трудись, не отвлекайся. Если лень тебя заберет, то не добьешься ничего, понимаешь? — я только молча кивнул. Совершенно лишние глупые слова, больше походившие на реплики Елены. Мое тело затекло, я хотел спать, а она все шептала и шептала свои дурацкие наставления.

Но вскоре ее прервал звук шагов на втором этаже. Я невольно вздрогнул и тихонько прильнул к приоткрытой двери. К моей комнате подошел отец. Он открыл ее и долго всматривался внутрь, наконец, вздохнул и закрыл дверь, провернув дважды ключом в замке. В этот момент мое сердце буквально остановилось. Они действительно это сделали. Потом отец заглянул к старшим сестрам и направился в сторону чердака. Я юркнул под кровать, в постели застыла Матильда, накрытая одеялом с головой. Будь что будет, в любом случае

я готов был идти до конца и, если потребуется, даже драться. Но отец зашел в комнату, именно зашел, не как к остальным, прошелся по ковру, пробурчал что-то вроде: «Спишь, засранка», и вышел, прикрыв дверь.

Я облегченно вздохнул и прилег рядом с сестрой на одеяло. Она плакала и извинялась за свою сентиментальность. Наконец, успокоилась и уснула, а мне удалось задремать только под утро, и почти сразу зазвонил будильник. Я продрал глаза, взял свои вещи и тихонечко попытался выскользнуть из комнаты, но был пойман Матильдой за руку.

— Давай я первая пойду, мало ли чего, — шепотом предложила она, и я согласно кивнул.

Мила неслышно прокралась по коридору, потом спустилась на первый этаж и, оглядевшись, махнула рукой, давай знак свободного пути. Я последовал за ней, и почти дошел до этажерки с обувью, когда меня остановил резкий крик матери:

— Куда?! — заверещала она, стоя в дверях кухни. — Отец, иди, глянь на него!

Быстрее всех среагировала Матильда. Она схватила мои ботинки, всучила их мне в руки, открыла дверь и буквально вытолкала. К нам уже бежал отец в одних семейных трусах, надеясь перехватить меня, но сестра выросла на его пути.

— Женька, беги, — кричала Матильда,

пытаясь остановить отца, — беги, братик, беги!

И я побежал, слышался звонкий удар пощечины, видимо отец применил свои знаменитые методы воспитания, но это не остановило сестру. Оборачиваясь, я заметил, как она, уже лежа на полу, вцепилась в его жилистую волосатую ногу зубами. Как котенка отец пытался отшвырнуть ее, скинуть с ноги, но ему ничего не удавалось сделать с моей настырной сестрой. Я не мог наблюдать, что было дальше, и только сильнее дал деру.

Долго оплакивала меня мать, не хотела верить во все произошедшее. Она боялась, что я не смогу найти себе место в жизни и вернусь, максимум через полгода, домой. И что на это скажут соседи? Мать убеждена, что над нашей семьей должны будут смеяться всем городом, будто у людей других дел нет. Ей все чудилось, что я без нее пропаду. «Кто же тебе будет гладить, кто же тебе будет готовить? Ведь я тебя знаю, какая-нибудь девка обязательно возьмет в оборот, ты обрюхатишь ее и вернешься через какой-нибудь месяц, зря только деньги выкидываем на это образование!» И все в таком же духе. Я не знаю, какое наказание досталось Матильде, мне она не говорила. Только морщилась и отшучивалась, но могу предположить, что ей пришлось не сладко.

Я не возвращался, и вопреки чаяниям или страхам своей матушки наоборот, хорошо

устроился в городе, успевал подрабатывать и прилежно учиться. Да и домой меня не тянуло вовсе. Первый раз я приехал только спустя год, на летние каникулы, но пробыл совсем недолго.

Вскоре вся эта история с побегом стала любимым семейным приданием, которое непременно рассказывали за праздничным ужином. Собирая всех вместе за одним столом, да если еще и дальние родственники приедут, мать обязательно пускалась в смачное описание, как «эта дурочка», ласковое прозвище Матильды, кусала отца, защищая своего никчемного брата. Спустя время из памяти стерлось и то, что они не хотели меня отпускать, и то, что я должен был увянуть и вернуться, как побитая собака. Произошедшее было искорежено и вывернуто так, будто это Матильда все придумала и устроила представление. С подачи матери ее жестоко высмеивали все: родные, друзья, соседи. Сестра только улыбалась и пожимала плечами, а со временем и сама поверила в эти небылицы.

Глава 4

Еще долго оставалась эта пропасть между мной и семьей, пока не появились мои первые успехи. Меня всегда тянуло к творчеству и, благодаря хорошим рекомендациям и интересному

стилю изложения, уже к двадцати трем годам, при выпуске из университета, меня издавали. Вначале это были миниатюры, зарисовки миров, о которых я слышал от Матильды, потом все переросло в более сложную художественную литературу. Теперь у меня стабильная не пыльная работенка в местной газете, где порой тоже случаются авралы, но большую часть своего времени я посвящаю сочинительству. И хоть не все написанное мною отдается редактору, я имею с этого основной свой доход.

Неспешно гоня байк по дороге, я невольно задумался — куда несет меня жизнь? Что станет руководствоваться мной лет через пять? Останусь ли я таким же как прежде? Честно признаться, я не знал. Понимая, что развиваться необходимо, я совершенно не видел пути этого развития. Как будто все остановилось на данной точке и будущее покрыто пеленой тумана.

У родителей уже была Анастасия с мужем и тремя близнецами двух лет. Малышня радостно гоняла по дому, переворачивая вверх дном все, что попадалось на пути. Мать готовила свои коронные блюда, а отец копался в гараже, в попытках разобраться с новой машиной. Я покрутился на кухне, но был выгнан женщинами за то, что таскал со стола ингредиенты еще не приготовленных салатов. Пока мы с отцом обсуждали преимущество

байка перед машиной, подошла и Лена. Время незаметно летело и вскоре мы все собрались за обеденным столом, вознося похвалу и поздравления нашим терпеливым, и все еще любящим друг друга, родителям. Только Матильда не пришла. Моя младшая сестра сказалась больной, впрочем, такое с ней в последнее время случалось довольно часто. Это, конечно, меня огорчило, но я прекрасно понимал Милу. Ведь за столом ведутся беседы и впечатлительной натуре здесь делать нечего.

В нашей семье всегда все начинается с благопристойных разговоров, а заканчивается скандалами. Ну не умеют у меня по-другому родственники выражать своих чувств. Чего скрывать, я и сам с трудом себя контролирую, если эмоции переполняют, но я хотя бы пытаюсь это делать. Моя же мать видимо от скуки или еще от чего непременно найдет повод поистерить и ограничивать себя в словах она не умеет. Обычно достается Матильде. Она как самая младшая и самая «непутевая», по мнению женщин нашей династии, попадает под жестокие нападки со стороны старших. Но сегодня пришлось отдуваться за нее мне. Ничего, я обязательно ей это еще припомню.

— Ну, а что, думал ли ты, Евгений, устроишься на нормальную работу? — начала свою излюбленную тему мать.

— У меня нормальная работа, даже по специальности, — спокойно ответил я, хотя уже знал, к чему приведет все это.

— Я имею в виду, что пора бы тебе и о будущем подумать!

— Я о нем каждый день думаю, — отшутился я, — вот встаю с кровати и начинаю думать.

— Все тебе хиханьки, да хаханьки, — влезла в разговор Елена. — А мать права! Вот мне уже сколько лет, а никому я не нужна. Всю жизнь в госпитале санитаркой отмахала, от звонка до звонка. А как здоровье не то стало, так и спихнули меня. Только и остается, что сиделкой наниматься у каких-нибудь старикашек, не слишком приятное занятие, я тебе скажу.

— Ну я то работник умственного труда, пока со мной мое вдохновение, я не пропаду.

— Ой, не смейся меня. Разве это мужская работа?

— А что, по-твоему, мужская работа? Уголь грузить? — я начал злиться. — Или ты желаешь, что бы я как отец в поле на комбайне ездил? Это по-твоему более достойное занятие, чем зарабатывание денег головой?

— Ну что ты сразу обижаешься, — тут же попыталась уйти от прямого разговора мама, — мы же тебе все добра желаем, ты же бестолковый, живешь одним днем! Вот поэтому ты такой!

Последняя фраза прозвучала как оскорбление. Если матери нечего было сказать, она всегда прибегала к этой формулировке. Правда, никогда не уточняла, что это значит. И какой «такой/такая» оставалось тайной за семью печатями.

— Нет, ну позвольте! Я издающийся молодой талантливый писатель. И это не мои слова, а слова редакторов. Вы могли бы хоть раз просто за меня порадоваться? Я уж и не говорю о том, чтобы гордиться своим сыном.

— А мы тобой гордимся! — вставила слово Анастасия. — Вон мой муж даже книгу твою читал!

— Какую из? — поинтересовался я.

— А у тебя их что, несколько?

Повисла неловкая пауза. Раньше, даже крохотные заметки в журналах моего авторства я обязательно привозил в дом к родителям, думая, что они переживают за меня и мой творческий путь. Но когда увидел, как на очередной статье батя режет рыбу себе под пиво, понял, что бесполезно с ними на этот счет даже разговаривать. Не принимает родня того факта, что творчеством может заниматься каждый. Кто-то не близкий, лично неизвестный, далекий — имеет право быть талантливым, но не твои дети. Этот постоянный, гнетущий стыд моих родителей, передавался еще с молоком матери. Мы, дети этого семейства, не успев начать жить, уже считались способными

только на одну вещь — на позор. И, дабы предотвратить эту угрозу, изо дня в день нам твердили, что Бог не наделил никого из нас талантом, что мы яйца выеденного не стоим, и ничего целесообразного из нас не выйдет. Конечно, проще выбрать путь наименьшего сопротивления и не рисковать, продолжая стезю родителей, где они смогут поделиться с нами опытом или же авторитетом загладить оплошность своего чада. Возможно, эта попытка доказать обратное и сделало меня таким целеустремленным.

Я только усмехнулся и больше не принимал активного участия в разговоре, изредка цедил сквозь зубы что-то вроде — «угу». Родственникам быстро надоело одностороннее шпынянье, мать выдала свое коронное — «об него, что о стенку горох», чем дала понять остальным участникам банкета об окончании темы «Евгений» и начале темы «Матильда».

— У нее какой-то ветер в голове, — ответила мать на вопрос Елены о делах Милы. — И как бедный муж ее терпит. Недавно заявила ему, что хочет стать художником и будет поступать в университет какой-то там. Ну не дура, а? Профукала время, когда надо было учиться, а теперь к тридцати, видите ли, подавайте ей образование.

— И ладно бы образование, как у нормальных

людей! — обозначила свою позицию Елена. — Почему художественное? Она что, не может как все нормальные люди стать менеджером или юристом? В конце концов, пошла бы в педагогический. Ты бы смогла устроить ее, по старым связям, в детский сад.

— Вот! — найдя поддержку, еще больше воодушевилась мать. — И я ей тоже самое говорю. А она крутит башкой своей дурной и ни в какую!

— Ей ребенка надо родить, и глупости влет бы вышли из нее! — тут же подхватила Анастасия.

— Да, возраст-то уходит, не молодая девочка! Двадцать шесть все-таки. Точно Димка от нее уйдет к другой. Я ей сколько раз говорила — поступай учиться! Нет, в голове только гульки, мужики, вся в тетку свою!

— А ты видела, как она выглядит в последнее время плохо? — из уст Анастасии этот вопрос звучал нелепо. — Под глазами синяки, волосы бы покрасила, а то, как белая ворона, фу. Ни кожи ни рожи.

— И не говори, — покачала головой мать, — даже не красится. Я ей говорю: ну купи ты крем от морщин, Дмитрию же неприятно с такой как ты даже рядом быть! А она смеется. Теперь уж добьет его своими наивными желаниями. Без царя в голове, совсем.

Я слушал это, и негодование с геометрической

прогрессией возрастало в моей душе. Неужели вы все тут присутствующие забыли, как сами, своим вечным недовольством заставили ее в семнадцать лет повзрослеть не по годам? Как отец, не разбирая кто прав кто виноват, бил Матильду за малейшую провинность? Как она неоднократно сбегала из дома, и вы всегда находили ее и били еще сильнее, запирая на недели, а то и месяц дома? Неужели вы продолжаете врать себе, что все было во благо, хотя на самом деле наказывали ее за инакомыслие, за вечную борьбу против вашей системы? Конечно, она не поступила учиться в свое время, потому что стремясь уйти от вашего гнета сбежала с первым встречным музыкантом за горизонт. А когда сломленная и измученная Матильда вновь появилась на пороге родительского дома вместо того, чтобы пожалеть и принять ее, наконец, такой, какая она есть, вы попрекали ее до последнего дня, пока она не вышла замуж и, в очередной раз, не сбежала из-под вашего попечительства. Все это вы преподносите как воспитание, как желание вырастить достойного человека. И непомерно гордитесь, что не выгнали ее тогда из дома, а приютили, рассказывая вновь и вновь при удобном случае соседям о том, какие вы искренние и любящие родители. А надо было всего лишь дать ей возможность самоопределиться в этой жизни.

Мне жаль, что Мила не приехала тогда ко мне

в общежитие, я бы нашел выход. Мне жаль, что я тогда не понимал всего этого, что я не мог разделить терзающий ее стыд перед родней. Мне жаль, что я всегда не успеваю, если дело касается Матильды. Эта досада будет вечно выедать мое сердце.

Она дала мне билет в другую жизнь, а я увлеченный обретенным статусом, забыл о своем обещании. Попав в струю, хватая свой шанс за хвост, я бестолково истончил и практически разорвал ту тесную связь между нами. Нет, Матильда не озлобилась на меня, мне кажется, она даже и не ждала никакого самопожертвования с моей стороны. Мила и сейчас готова любому перегрызть горло за своего братика. Я знаю, что в редких встречах с мамой или старшими сестрами, если разговор касается меня, она всегда на моей стороне. А мне нечем ей ответить, она больше не нуждается в моей защите.

Как бы я хотел вернуть все назад и забрать ее с собой, уезжая учиться в город. Этого ничего бы не случилось, ей не пришлось бы проходить весь этот путь. Но, когда в последний раз мы это обсуждали, она только улыбнулась и как всегда произнесла одну простую фразу — «Значит, все это мне нужно было пережить и осмыслить». Сестренка любые невзгоды в своей жизни объясняла этим выражением.

Мои размышления прервали повышенные тона, на которые перешли мать и Елена. Они уже забыли про Матильду и ссорились между собой. Не знаю, что не поделили на этот раз, кажется, сестра неудачно высказалась о новом ремонте в подвале моих родителей и у них началась стандартная перебранка. Не желая слышать и видеть, что произойдет дальше, я тихо откланялся, ссылаясь на долгую дорогу, и вышел на улицу. Мужчины стояли возле гаража, я даже не заметил, как они выскользнули.

— Что там бабища, опять свору затеяли? — смеясь, спросил отец.

Я только отмахнулся, пожал руку ему и Артему, мужу Анастасии, сел на байк и поехал домой.

Глава 5

Неприятное, давящее ощущение засело где-то в груди, между сердцем и легкими. Гнетущее чувство несправедливости, вызвавшее вначале негодование, постепенно переросло в неконтролируемый гнев. Как я не люблю эти посиделки с семьей! После праздничного ужина выходишь из-за стола будто пожёванный, представ на пиру в качестве главного блюда, хотя разговоры могли и не касаться тебя. Но эта слепота, которой

одержимы и родители и мои старшие сестры, не просто раздражает, она вызывает всепоглощающую ненависть. Самое неправильное чувство по отношению к родным. От досады на самого себя рождается вина, обрушивая в омут собственной неполноценности, топя в ощущении прикосновения с чем-то мерзким. Сродни тому, как смотреть в зеркало и плевать в лицо отражению.

А еще это паскудное чувство, будто сказал лишнее. Остатки дня уходят на анализ всего произнесенного и услышанного. Никогда не знаешь, что ждет после разговора, как всё вывернут, показывая сюрреалистичную изнанку твоего внутреннего состояния. Я обжигался не раз об эти невинные проникновения в душу. Купившись на обманчивое впечатление искреннего сопереживания, я раскрывался, выкладывая все как на духу, чтобы спустя пару дней получить точными ударами в сердце один укор за другим. Неважно, кто из них выпытал твою тайну, в итоге знать будут все: и мать, и отец, и сестры. Мельчайшая оплошность, обычная невнимательность и в ссоре любой из них обязательно бросит язвительное: «Вот поэтому ты такой!». И если мать или Елена делали это неосознанно, пытаясь показать взаимосвязь мыслей с последствиями, то Анастасия всегда давила на самое больное, нарочно вскрывая гнойники памяти. Конечно, никто в доме не

допускал мысли, что такое «воспитание» может болезненно сказаться на психике, ведь мать, да и Анастасия — педагоги со стажем, по их собственному выражению. Одному богу известно, какими людьми выросли те, кто посещал детский сад, где работали обе эти женщины. Хотя, насколько я могу судить, чужие дети имеют право на ошибки, поблажек не дают только своим.

Я всегда держу язык за зубами, стараясь вообще ничего не рассказывать о своей жизни. Но если честно, то теперь, когда я стал независим от семьи, никому это и не интересно, разве что Матильде. У остальных перед глазами только они сами, их проблемы, и каждый может часами перечислять свои достоинства. Мать особенно любит рассказывать о том, как она одобряет тот или иной поступок домочадцев. Очень плавное повествование начинается с решительного прорыва кого-то из близких, а в конце скатывается, и это непременно, будто все устроила любящая матушка, ну или, по крайней мере, предрекла и подвела к такому результату. Как минимум раз в неделю, она звонит мне, начиная разговор обязательно с упрека в том, что я совершенно забыл родителей, и вдается в подробности личной жизни кого-либо, купаясь в самолюбовании, беспечно убивая мое время. Но если что-то совершалось без ее ведома, без ее воли и благословения, то права на существования не

имело и не обсуждалось вовсе.

Именно так случилось со мной. Не получив должного одобрения, мои воздушные замки должны были рухнуть, а я вернуться домой самое долгое через год. Но этого не произошло. Жизнь в общаге оказалась гораздо интересней маминых наставлений и пьяных уличных драк, а возможность заниматься любимым делом давала хороший стимул идти вперед к цели. И даже когда начинались короткие каникулы, я не горел желанием навещать родные пенаты, все там опостылело и надоело еще задолго до начала самостоятельной жизни. К тому же появилась девушка, что ухаживала за мной и ходила буквально хвостиком. Я был вполне счастлив, изредка только скучая по Матильде. Так прошла осень, зима и весна. На свое день рождения я получил небольшой денежный перевод от отца, вполне возможно сделанный без ведома остальных. В середине лета, когда занятия были окончены, зачеты сданы, а я переведен на второй курс, мне все же пришлось сделать первый шаг и погостить пару дней дома. В общежитии травили тараканов, а все друзья разъехались, не оставляя мне выбора.

Это первое возвращение было угнетающим. Мать явно обиженная на мою некомпетентность в исполнении ее ожиданий, даже не вышла меня встречать. Пробурчав короткое «привет», она

отвернулась к телевизору, который до этого смотрела в общей комнате, сидя на диване. Отец пожал мне руку, и только Матильда кинулась на шею и больше не отставала от меня с расспросами. Ее интересовало всё. Как я учусь, где я живу, какие у меня сокурсники, о чем мы говорим вечерами, что мы проходим по программе и еще много-много различных вопросов о совершенно обычных бытовых делах.

И если бы не Мила, то, наверное, я развернулся и ушел бы к вечеру. Не возникло ощущение, что нога моя ступила в отчий дом. Я стал чужим, и было очевидно, что пока не будет совершен обряд, приносящий мое будущее в жертву на лоно матери, никто из родни обратно меня не примет. Требовалось переступить гордость и хотя бы притворно упасть в ноги и заявить с жаждой в глазах, как мне там без семьи плохо. Но ничего такого я не чувствовал, и уж тем более не собирался унижаться, за год поняв цену себе. Никаких песнопений и ритуальных танцев в тот день, да и потом, я не совершил, а просто, взяв за руку сестру, отправился наверх, в некогда свою комнату. Но к моему разочарованию, ее уже переоборудовали под будущих молодоженов, Елена собиралась замуж.

— Не грусти, Жень, теперь у тебя официальный повод не возвращаться, —

улыбнулась во весь рот Матильда, как будто угадывая мое настроение, — пойдём в моей комнате посидим.

Комната звучит грозно для закута, переделанного из чердака под нужды Милы. Никто из сестер не хотел с ней жить, жалуясь на постоянное медитирование, громкое прослушивание музыки и ночные посиделки за книгой.

Первым делом, уставший с дороги, я завалился на кровать, застеленную каким-то нелепым розовым пледом, и откинулся на мягкую подушку. Матильда легла прямо на ковер, постеленный посреди комнаты, на живот, уперевшись локтями о пол и положив голову на ладошки. Задрав кверху все такие же, как и год назад, тощие ноги, согнутые в коленках, продолжала спрашивать:

— Это наверное так интересно жить отдельно от родителей! Я бы так хотела хоть на денек отсюда сбежать.

— Мила, помолчи, я устал, — почти взмолился я.

— Ой, прости братик, я просто так соскучилась. Может, ты хочешь поспать с дороги? Я тихонечко посижу рядышком, погляжу на тебя.

— Да нет, мне всего лишь необходимо немного прийти в себя, прости.

— О, я понимаю. Ты на родителей не обижайся, ведь такое с ними впервые. Представь, потеряли контроль! Мама просто в бешенстве. Ты бы слышал, как она соседям рассказывала о твоей нелегкой судьбе. Вздыхала и обещала, что ты обязательно прибежишь через неделю. Но блудный сын все не возвращался и не возвращался. Теперь ее считают плохой матерью. Ну, по крайней мере, она так думает. Серьезная психологическая травма, между прочим. Хотя, глупости это какие-то, я не понимаю. Радовалась бы, что ты такой умничка.

— Хоть ты меня понимаешь, — устало вздохнул я. — А сама как?

— Я? Нормально, что же со мной станется, — засмеялась сестра, — я уже привыкла.

— Куда думала поступать после школы?

— Куда думала, куда думала, — Матильда насупила брови и показала язык. Ох уж это настроение у дам, всегда непредсказуемо меняется. — Как будто ты не знаешь — куда мать поступит, туда и пойду. Это ты, мужчина, тебе проще взбунтоваться. А я права не имею.

— Глупости, все ты можешь, просто не хочешь. Скажи свое слово.

— Я вчера сказала, — проворчала сестра, переворачиваясь на спину, — отец так ремнем отходил, до сих пор попа болит.

— А как же мамины нотации? — съязвил я.

— Ой, не напоминай, уж лучше бы отец бил сильней, чем слушать весь этот бред, вылетающий из ее рта.

— Матильда, где ты, ядрена вошь? — раздался откуда-то снизу крик отца. — А ну быстро на кухню!

— Ой, ой, — сестра буквально подпрыгнула, — я же должна готовить, прости. Вечером поболтаем, а ты отдохни хорошенько! Чувствуй себя как дома, договорились?

Я усмехнулся такой постановке вопроса, но когда Мила скрылась за дверью, все же снял рубашку и ослабил ремень на шортах. Потом прошелся по комнате, перебирая на полке книги. Мила любила читать, как, впрочем, и вся моя родня. Еще одна нелогичная странность. Ну, были бы у меня родители алкаши какие-нибудь, нет с виду приличная интеллигентная семья, а внутри так себя ведут, что у побывавших хоть раз на наших застольях волосы дыбом становятся. Я подошел к столу и развернул тетрадку, лежащую на нем. На страницах были какие-то наброски, видимо, сестра в свободное время развлекалась рисованием и у нее, надо заметить, неплохо получалось. Я подтянулся, зевнул, взял первую попавшуюся книгу и залег на кровать. Сам не заметил, как заснул. Сквозь сон я ощутил, как кто-то меня заботливо укрыл, видимо забегала Матильда. Больше в моем доме никому в

голову не придет ухаживать за другим, если тот не болен.

Проснулся я от приятных поглаживаний в области груди.

— Соскучилась по мне, шалунья, — забыв спросонок, где нахожусь, и, подразумевая, что разговариваю со своей девушкой, я схватил гладившую меня Милу, завалив на себя и крепко прижав. Меня привел в чувство ее писк. Я резко открыл глаза и ослабил хватку, а сестра молниеносно отскочила в другой угол комнаты и вся залилась румянцем. Вышла неловкая пауза, я хотел было оправдаться, но предательски запершило горло.

— Я, — нерешительно начала Матильда, — я это, не...

— Прости, я думал, что с Вале́й.

— Валя? Кто это? — сестру обрадовала возможность резкой смены разговора и она, хоть все еще как-то боязливо, но подошла и присела на краешек кровати. — У тебя появилась девушка?

— А то!

— Да ладно! И ты молчал? — Мила вся как будто оживилась, глаза ее загорелись привычным для меня озорным огоньком. — Красивая? А где вы познакомились? Вы теперь поженитесь? Ты с ней что, сексом занимался?

— Мила, — я расхохотался, — неугомонная.

Отвечаю: да, в университете, нет, да, много раз.

Матильда опять покраснела, потом засмеялась, каким-то искренним завораживающим своей прямокой смехом, выпучила свои глаза и шепотом, выделяя каждое слово, как будто это было самое важное во вселенной, произнесла:

— Так ты теперь мужчина! Вот это да!

— Я скажу тебе по секрету, этим я уже занимался и здесь, с твоими подругами. Я не думаю, что в этом есть какая-то сокровенная тайна. Не это делает мальчика мужчиной, — я пожал плечами, — во мне ничего не изменилось, я остался таким как был.

Глаза Матильды еще больше округлились, и от неожиданности ее рот беззвучно выдохнул «О».

— И ты молчал? — прошептала она, как будто я укрыл от нее тайну века.

— А разве об этом говорят на каждом углу? Ну, а у тебя как в этом плане? Уже осчастливила кого-нибудь?

— Женька, мне пятнадцать! О чем ты говоришь! Но я тоже влюбилась, — сестра игриво опустила взгляд в пол. — И знаешь, оказывается, мальчик отличается от девочки!

— Да ты что! — не удержался я и рассмеялся. — А я думаю, почему все не так!

— Ну нет, я не о том! — Мила оттопырила нижнюю губу и шлепнула рукой по мне. — Что ты

дурачком прикидываешься. Просто мне раньше казалось, что мы все люди. И неважно бантик на тебе или кепочка. А оказывается, очень важно!

— Мальчики еще писают стоя, — продолжал глумиться я, хотя прекрасно понимал, что озадачило мою сестру. Она видела этот мир другими глазами, не как я или кто-либо еще. Недаром одним из ее прозвищ в школе было «Человек с Марса». Всегда оригинальная точка зрения, взгляд под иным углом, отвергающим стереотипы. С детства Мила не делала различия по расе, полу или мировоззрению человека. Для нее все были одинаковы. Видимо прозрение пришло к ней с первой любовью. — Ладно, давай серьезно. И что же тебе открылось?

— Мальчики не понимают, когда им пишут стихи, они думают, раз девочка испытывает чувства, то с ней можно делать все что хочешь. Я поэкспериментировала пару раз, результат всегда один и тот же, — вздохнула Матильда. — А еще, — она замялась, теребя край своей футболки, — знаешь, если ты хочешь, чтобы парень с тобой встречался, надо с ним спать. Мне так одноклассницы сказали. И я не знаю, что делать, мне кажется, я не готова еще к такому шагу.

— Значит и не надо торопиться, — быстро проговорил я, мой шутливый настрой как рукой сняло. Вдруг стало не по себе от мысли, что моя

сестренка, моя мышка-малышка уже доросла до такого. — И не слушай своих подружек. Во-первых, это распространённое заблуждение. Это девушки с кем проснулись — того и любят. У парней нет таких тесных связующих эмоциональных переживаний относительно секса. Для нас это просто удовлетворение потребностей. Мы можем любить одну, а спать с другой. Девушки думают, что если в постели смогут сделать что-то экстраординарное, то сердце будет принадлежать только ей. Глупости. Запомни это. Во-вторых, если встретишь действительно свою любовь, с которым захочешь связать жизнь на долгие года, он оценит в первую очередь твою скромность и невинность, поверь мне. И избранник твой будет ждать столько, сколько потребуется, пока ты не станешь готова к этому важному для тебя шагу. Мила, раз считаешь, что не время, не перешагивай через себя. Цени свою независимость от мнения окружающих.

— Хорошо, Жень. Ты умней меня, и я не буду даже спорить. Просто запомню и все.

— Ну, а какой он? — после недолгого молчания поинтересовался я. Хотелось уйти от скользкой темы подальше и в то же время держать руку на пульсе. — Надеюсь, это не Яшка с Базарной?

— Ой, нет, — захохотала сестра, — я же не совсем тю-тю. Он с семьей переехал в начале года к

нам в город. Ему уже девятнадцать, совсем взрослый. Он такой красивый, — на этих словах Мила мечтательно закатила глаза и глубоко вздохнула, счастливо улыбаясь. — Знаешь, у него куча татуировок на руках и даже есть свой собственный мотоцикл! А еще он очень талантлив, играет на гитаре в гараже у себя. Мы с девочками ходим иногда вокруг поглядеть и послушать.

— Так ты с ним даже не знакома? — удивился я.

— Не-а. Я ж говорю, он взрослый, совсем. Но! Я уже подбрасывала ему стихи и яблоки под дверь, — смутилась Матильда.

— Стихи и яблоки? Символично. Фрукт искушения, — хохотнул я. — Как тебе это в голову пришло?

— Не знаю! — Матильда поморщилась от собственной несостоятельности. — Я вообще не знаю, что и зачем я делаю, если дело касается его, тупица какая-то.

— Эй, охламоны, идите жрать, — отец просунул голову в дверь и, улыбаясь, добавил: — У меня коньячок есть, выпьем с сынулей!

Но ужин вышел каким-то особенно неприятным. Мать все больше ворчала, отказываясь поддерживать беседу, отец пил, как всегда, когда появлялся весомый повод, а старшие сестры без умолку щебетали о предстоящей свадьбе. Мне

налили грамм пятьдесят коньяка, больше не положено. Покушав, я поблагодарил за ужин родителей и решил пройтись перед сном, в надежде, что за мной увяжется Мила.

Уже выходя из калитки, я услышал оклик и остановился подождать ее. Мы побрели по знакомым улицам, болтая о всякой ерунде. Я пытался переубедить Матильду в отношении к ее будущему, уговаривал все же следовать за своими мечтами, а не жить по течению. Неожиданно, посреди разговора, она умолкла и замерла на месте, уставившись на парня в кожаной жилетке, копающегося возле заглохшего старенького мотоцикла. Был он приятного спортивного телосложения, руки сплошь покрыты разноцветными татуировками, в ухе болталось толстое кольцо. Довольно необычная, по меркам нашей деревни, внешность. Я ухмыльнулся и направился к нему, несмотря на то, что Мила пыталась меня удержать на месте, мертвой хваткой вцепившись в мой локоть. Но проскользив за мной некоторое расстояние, она споткнулась о камень и осталась стоять там, где ей попало препятствие.

— Привет, случилось что? — поздоровался я.

— Да че то газу дал и левая выхлопная отлетела куды-то, — отозвался парень. — Хз теперь или искать ее по дороге, или вторую оторвать туды же.

— Наверное, лучше найти все-таки. Хочешь, я присмотрю за твоим зверем, пока ты ее ищешь? Меня Евгений зовут, я живу тут неподалеку.

— Я — Миха, — он протянул мне не очень чистую руку. — Дружище, если тебе не сложно, я быстро, — и рванул по дороге, искать отлетевшую запасную часть.

Я достал сигарету и закурил, рукой поманив к себе Матильду. Она в нерешительности еще немного потопталась на месте и все же подошла.

— Ты что творишь! — прошептала сестра.

— Все будет ок, — подмигнул я ей, — ты же этого хочешь?

Вернулся Михаил, волоча за собой здорово потрепанный и измятый кусок железа, по форме которого с трудом можно было догадаться, чем он был до этого.

— Это моя сестра, Матильда, — представил я раскрасневшуюся Милу. — Давай я потащу эту хрень, а ты байк покатишь. Проводим тебя до дома.

— Блин, спасибо вам, ребятки, выручаете, — и мы неспешной процессией двинулись по дороге. — А тебя я, кажется, видел, — усмехнулся наш новый знакомый, — вы с девчонками вечно ошиваетесь возле моего гаража.

Мила только еще больше покраснела и не смогла ничего из себя выдавить.

— Она у меня очень стеснительная, — я

подбадривающе посмотрел на сестру, — не думаю, что тебе удастся вытянуть из нее хоть слово.

— И довольно симпатичная, это я тоже давно заметил. А почему тебя не видел?

— А я не живу здесь, приехал погостить.

— Не родные значит, то-то я смотрю, совсем не похожи.

— Да нет, родители у нас общие. Просто природа пошутила.

Когда дошли до его гаража, ведя обобщенные разговоры, Миша поблагодарил нас и пригласил выпить чаю. Возвращались мы уже совсем затемно, и всю дорогу сестра без умолку трещала о том, какой Михаил красивый и великолепный, успев в своих планах не только выйти за него замуж, но и нарожать миллион детишек. Знала бы, сколько слез он ей еще принесет, знал бы это я...

Глава 6

Зайдя в свою квартиру, я первым делом достал телефон и набрал Матильду. Она долго не брала трубку, и я хотел было отменить вызов, но в последнюю секунду услышал запыхавшийся голос сестры.

— Да, да! — нарочито серьезным тоном отозвалась на другой стороне Мила.

— Мышка-малышка, ну и как это

понимать? — шутливо проворчал я. — Бросила меня на растерзание родни, а сама не пришла. Я, между прочим, чуть не был съеден любезной матушкой.

— Ничего, тебе полезно встряхнуться, — хихикнула в ответ сестренка. — Что там, как всегда?

— Да, ты ничего не потеряла. Рисуешь?

— Угумс, такое увидала! — восторженный голос Матильды не оставлял сомнений — ее озарило вдохновение. — Домучиваю последние штрихи. Конечно, не то, что я ожидала, но выходит весьма похоже. А ты что, пишешь?

— Уже почти закончил. Твою волшебницу вот-вот поженю, — усмехнулся я.

— Ты что?! — с каким-то неподдельным ужасом ахнула Мила. — Он же предатель оказался на самом деле. Я тебе не рассказывала, что было дальше?

— Нет, — немного оторопев, признался я. — Видишь, значит, нам надо обязательно встретиться. Покажешь мне, что нарисовала, а я послушаю продолжение.

— Встретиться? — голос Матильда заметно упал. — Ко мне нельзя, Димка будет ругаться.

— Мы можем повидаться на нейтральной территории, посидим в кафе каком-нибудь, я угощаю.

— Не думаю, что выходить из дома это, в принципе, хорошая идея. Ты же знаешь, как я такое не люблю.

— Могу заехать за тобой, забрать, а потом привести обратно.

— Если только Дима отпустит, — помолчав, согласилась сестра. — Но мне, все равно, кажется, ничего хорошего из этого не выйдет.

— Никаких если, завтра жди меня часов в пять. Договорились?

— Ох, Жень, ты разбиваешь на ши сердца, — бросила свою любимую фразу Мила. — Я постараюсь уговорить его. А что Катя?

А Катерину я обещал встретить. Ее поезд приходит в четыре. Ну, доберется сама как-нибудь. В конце концов, когда я еще смогу выцепить сестру из лап чудовищного мужа. Думаю, Кэт все поймет и не станет артачиться.

— Не беспокойся, найдет, чем себя занять.

— Ну, тогда до завтра! Напомнишь мне, что я должна тебе рассказать.

— Обязательно, мне сдаваться редактору скоро. До завтра, малыш.

Отключив телефон, я пребывал в отличном настроении, заранее зная, что вскоре предстоит интереснейшая беседа. Именно Мила подсказывала мне сюжеты. Уж не знаю, где у нее там канал подключается, но как только я просил подкинуть

идею, она выдавала полностью сформированную концепцию с уже готовым миром и психологически прорисованными цельными персонажами. Оставалось только изложить на бумагу и отдать в издательство. Когда же я спрашивал, откуда она берет информацию, сестра только смеялась, шутя, утверждая, будто она — дракон и видит все через третье око. Но мне, иногда, на полном серьезе кажется, что Матильда каким-то образом умеет летать и через время, и через пространство, заглядывая в души, словно в окна. Единственное, что смущает — обязательная любовная линия, которая красной нитью идет по ходу всего повествования. Мила считает, любовь — это единственное за что следует держаться в этом мире.

С нетерпением я ждал нашей встречи. Катерина, конечно, сильно разозлилась и попробовала закатить скандал, но мое равнодушие ее остудило. А так как инициатором наших отношений была она, ей пришлось просто смириться.

Я подъехал к дому своей сестры и позвонил в дверь. По ту сторону послышалось какое-то бормотанье, потом звон чего-то упавшего, чертыханья Милы, крик: «я уже бегу», и, наконец, дверь отворилась. Если бы Матильда открыла ее сразу, без предварительных танцев и сложных па, это означало бы только одно — дома был муж.

Сама по себе Мила человек очень рассеянный. Когда-то она могла с легкостью переключать внимание со своего внутреннего мира на внешний, но в последнее время это давалось ей все трудней. А в присутствии мужа она все еще умела держаться собрано, как будто от этого зависела ее жизнь. Вообще, замужество сильно поменяло Матильду. С Дмитрием они расписаны вот уже пять лет, это второй брак моей сестры. Как я говорил, первый раз она выскочила замуж, особо не разбираясь, лишь бы убежать из дома. Дмитрий, для своих просто Дем — прозвище, прилипшее к нему из какой-то он-лайн игры — старше ее на десять лет, спокойный, рассудительный, самодостаточный мужчина, работает проектировщиком мостов в каком-то крупном бюро. Не сказать, что он очень хорошо зарабатывает, но они могли позволить себе содержать небольшой домик в окраине города и машину на семью, старый потрепанный Тигуан, который Дем эксплуатировал и на работе и для отдыха. А вот Мила напрочь отказывалась водить, зная свою невнимательность.

В общем, со стороны они выглядели как крепкая милая пара, но я видел, что делают эти отношения с моей сестрой и подозревал, что все не так уж и гладко. За эти пять лет Матильда стала еще более замкнутой, малообщительной, у нее появились частые жалобы на недомогания.

Однажды Дмитрий обмолвился, будто Мила может сутками пролежать в постели, не вставая. Но я так понимаю, его как-то не особо это волнует, он просто не обращает внимание. Если хочет она лежать — пусть лежит, кажется, именно так Дем и сказал. Для него главное, чтобы он мог всегда видеть жену перед глазами и контролировать, чем она занимается. На этом Дмитрий ограничивал свои супружеские обязанности.

Матильда открыла дверь, одетая в домашний комбинезон, вся перепачканная чем-то черным, и была она явно перевозбужденная. Своими грязными руками сестра поманила зайти.

— Ты не спишь? — быстро спросила она меня.

— Нет, а ты? — я улыбнулся.

Это наше с сестрой стандартное приветствие. В детстве, когда нам было по тринадцать и десять лет соответственно, и наша взаимосвязь проявлялась еще не так сильно, произошел один странный случай, ставший точкой невозврата для меня. Я прогуливался возле дома в надежде найти приключения себе на голову или другое место, и заметил, как моя маленькая сестренка разговаривает с каким-то незнакомцем очень неприятного внешнего вида. Мужик этот берет ее за руку и явно хочет куда-то увести. Не сказать, чтобы я испугался в тот момент, мой мозг сработал

молниеносно, раньше, чем пришло понимание происходящего, и я, что было мочи, закричал: «Матильда!», чем заставил их остановиться. Мужчина оглянулся на меня, потом перевел удивленный взгляд на сестру.

— А он что тут делает? — спросил незнакомец ее.

— Это мой брат, — пропищала та в ответ. В голосе ее не чувствовалось страха, наоборот, казалось что она стоит с отцом или дядей, но никак не с бомжом.

— Интересно получается.

— Это вы, гражданин, что тут делаете? А ну отпустите мою сестру, иначе я милицию вызову!

Мужчина улыбнулся, но как-то по-доброму, без насмешки, и еще раз взглянул в глаза сестры.

— Следи за собой, — потом подмигнул мне и быстро скрылся за поворотом.

— И о чем ты только думала! — накинулся я на Матильду. Только теперь я смог прочувствовать всю опасность, которая угрожала нам. Невольное перевозбуждение охватило всего меня, и мелкая предательская дрожь окатила тело. От досады я еще больше разозлился на Матильду и с силой схватил ее за руку, пытаясь встряхнуть. — А ну отвечай, немедленно!

Она испуганно посмотрела на меня и захлопала своими кукольными ресницами.

— Я..., я просто, — запинаясь, принялась оправдываться сестра, — я просто хотела поговорить, понимаешь? По настоящему, — и в попытке найти во мне это самое понимание, заискивающе глянула в глаза. Как она это сказала, каким тоном и с каким выражением лица заставило тут же остудить гнев.

— Ты могла бы поговорить с сестрами или с родителями, нельзя разговаривать с незнакомцами, тем более такого подозрительного вида, — попытался вразумить ее я.

— Так все вокруг не умеют говорить, а этот человек мог, — утвердительно закачала головой Матильда, как будто убеждая больше себя, чем меня.

— Ну, я же с тобой разговариваю!

— Ты не такой, ты еще не уснул. А они никогда не просыпались, — и, видя, что я совершенно не пойму о чем она говорит, взяла меня за руку и повела в дом: — Пойдем, я тебе покажу.

Тогда я впервые ощутил, какую силу воздействия имеет Мила на меня. Не знаю почему, но сопротивляться я не мог, и как только она прикоснулась ко мне, я превратился в послушную марионетку, слепо идущую за ней. Скажи Мила мне в тот момент ляг и умри, я бы, наверное, лег и умер. Она завела меня в гостиную, где мать и старшая сестра вели оживленную беседу, обсуждая меню на

ужин. Матильда уселась рядом с матерью на диван и потянула за собой меня, я плюхнулся рядом. Мы держались отчего-то все еще за руки и молчали, а старшие, казалось, нас совершенно не замечали. Минуту я покорно ждал, но потом происходящее порядком наскучило, и я принялся ерзать, на что Мила глянула испепеляющим взором, чего у нее никогда бы и не подумал увидеть, и нетерпеливо шикнула. Я успокоился и решил поддаться сестре, сыграть в ее игру, лишь бы она дала потом слово не разговаривать с незнакомцами. И как только я расслабился и поверил в эту самую игру, мир вокруг преобразился. Краски практически исчезли, все приобрело какой-то серо-зеленый оттенок. Мама сидела напротив моей старшей сестры с закрытыми глазами и молчала. Отдаленно я слышал бормотание, голос ее, сливающийся в единый гул, но на самом деле она спала. Старшая сестра с таким же выражением лица, что и у матери, стояла у окна, облокотившись об подоконник руками. Голова ее была склонена на груди. Она тоже спала. Только Матильда заливалась громким смехом и, озаренная холодным голубоватым светом, буквально искрилась от счастья. Она смотрела на меня открытыми детскими глазами, и восхищению ее не было предела.

— Мне удалось тебе это показать! Удалось!

Голова закружилась, и я потерял сознание.

Очнулся уже в своей кровати от того, что Елена била меня по щекам, пытаюсь привести в чувство.

— Перегрелся, наверное, — неподалеку кудахтала мама. Матильды нигде не было. Мне не разрешили вставать, да и сказать по правде, чувствовал я себя невозможно обессиленным. До вечера я пролежал, не в состоянии даже говорить и шевелиться.

Дом погрузился во тьму, затихли шорохи и скрипы, сопровождающие каждый вечер наше большое семейство. И только я начал засыпать, как дверь в комнату скрипнула и у кровати показалась Мила. Она встала в нерешительности у моего изголовья и громко вздохнула. Потом еще вздохнула и еще, как будто это делало ее смелей. Она в пятый раз глубоко вздохнула и практически уволилась на меня, крепко обняв.

— Я отдаю свои силы тебе, прости меня, прости, — Мила плакала и сжимала меня в своих объятиях все сильнее и сильнее. И откуда в этой болезненной девчонке столько возможностей.

— Ты меня раздавишь, — еле смог выговорить я.

Матильда отскочила как ошпаренная и выбежала из комнаты. Как я узнал позже, она искренне думала, что я сплю. Когда же состояние мое улучшилось, и я поинтересовался у сестры, что случилось на самом деле, то получил в ответ

общепризнанную версию. Мол, я перегрелся, зашел попить водички и грохнулся в обморок. Факт произошедшего Мила категорически отрицала. Тогда я пригрозил, что расскажу маме, как она не спит ночами и болтается во дворе, позволяя себе разговаривать с людьми неопределенного места жительства, неприступная стена пала, и Матильда во всем созналась.

— Многие, кто нас окружает — спят, но есть и такие, которые ощущают что находятся Здесь и Сейчас, — вот что она мне тогда сказала. Но никакие мольбы не смогли растопить ее решительное несогласие повторить эксперимент.

— Тогда обещай мне, — попросил я Матильду, — если засну, ты приложишь все усилия, чтобы я проснулся? Клянешься?

Мы обменялись клятвами, и с тех пор наше приветствие превратилось в этот странный вопрос. Как только формальности были улажены, Мила тут же зататорила:

— Ты как раз вовремя, я только закончила, — она была вся как будто напружиненная, казалось, вот-вот начнет прыгать то ли от радости, то ли от безумия. Мила провела рукой по лицу, оставив на носу серую полосу. Я усмехнулся:

— В чем ты вся? — и достав из кармана платок, попытался легонько оттереть пятно.

— Я уже взрослая и сама могу, — засмеялась

в ответ Матильда и торопливо зашагала, приплясывая, по направлению к ванной комнате. — Карандашом рисовала, — раздалось оттуда.

Я последовал за сестрой и встал в дверях, глядя как она пытается отмыть грифель с рук, лица и одежды. Мне всегда нравилось за ней наблюдать. Не знаю почему, но я получал какое-то успокоение, ощущал некую силу, когда находился рядом с ней. Чувствовал себя целостным что ли.

— Пойдем же, пойдем, — попыталась она вытолкать меня, уперевшись в плечо своими тоненькими ручками, — я там такое наваяла!

— От бесстыжая, мы с тобой сколько, полтора месяца не виделись, и ты даже не обнимешь брата?

— Обниму, конечно, — и Матильда прижалась ко мне, как всегда сильно сдавив в объятиях, — прости, я очень рада тебя видеть. Я старалась успеть к твоему приезду.

Сестра взяла меня за руку и потянула в комнату, которая в их семье гордо именовалась кабинетом.

Кабинет этот был простенько обставлен: небольшой одноместный диван, стол с компьютером и высокие, достающие до потолка стеллажи, сплошь заставленные книгами. На диване, образуя беспорядочный комок, сплелись подушка и флисовый плед, из чего мне стало понятно — сестра ночевала тут. На полу валялось

огромное количество разношерстных клочков бумаги, видимо неудавшиеся эскизы. Посередине комнаты возвышалась тренога, на которой покоился рисунок в серых тонах. Давно остывший, не допитый чай стоял на столе. Предательский коричневый круг, след от дешевого пакетированного суррогата, видневшийся на внутренней стороне кружки указывал, что заварили его еще ночью. Негромко играла музыка, извечный джаз, к которому Матильда пристрастилась, будучи замужем за музыкантом, навевал спокойствие и некую пелену на происходящее. Вообще, казалось, что входя в кабинет, попадаешь в совершенно другой мир, все в какой-то чумовой дымке, легком флере, будто кто-то к твоему приходу надымил марихуаной. Но я знал, что сестра никогда не пробовала и не попробует никаких наркотиков. Ведь я сам, в молодости, не раз ее уговаривал это сделать. А она всегда смеялась, отвечая, что ей хватает своей дури в голове. И вот среди этого дыма, этой непонятной удушающей атмосферы, нависающей липкой патокой на сознание, как меч в камне, несущий спасение целым народам, стояла картина. Конечно, картина — это громко сказано, скорее какой-то набросок, сплошь состоящий из черт, стройно пристроившихся одна к другой.

И хотя рисунок притягивал взгляд, невозможно было прям так, с ходу, понять, что же

изображено. Но взглядевшись, я почти сразу понял задумку: на переднем плане ворон, к слову, получившийся весьма реалистичным, сидел на фоне небольшого заборчика, острые пики которого уходили в серое небо. За заборчиком виднелось кладбище, со старыми, заросшими плющом крестами и надгробиями. В небе изображено подобие солнца, хотя это могла быть и луна, а из рта ворона к светилу устремилась вереница серых пятен. Не знаю почему, но глядя на этот рисунок, что-то внутри зашевелилось. Нельзя было похвалить сестру за реалистичность: и заборчик был кривоват, и солнце больше овальное, чем круглое. Ворон так и вовсе непропорционален по отношению к остальным нарисованным предметам, но казалось, что глазом, обращенным к смотрящему, он заглядывает прямо в душу, вопрошая: «Зачем ты потревожил мой покой и отвлек от важного дела?»

— Эм, — только и смог я произнести, — какой-то мрачноватый сюжетец.

— Ты что, наоборот! — возразила взбудораженная Матильда, застывшая, предвкушая мой восторг и глядящая на меня по-детски наивно. — Это же символизирует начало новой жизни. Вон видишь, сколько свободных душ парит к солнцу, в небо.

— Так, а ворон — это тогда символ чего?

— Ворон — это своего рода жернова. Наша жизнь. Пока мы не пройдем через начертанное, избавляя душу от грязи, несовершенного, мы не можем попасть туда, вверх. Все отходы остаются в вороне, ну как-то так. Понимаешь? — и опять смотрит с такой надеждой в глазах. Почему она всегда уверена, что пойму, я не знал, но старался не разочаровать ее.

— Не только понимаю, но и ощущаю. Ты большая умница! — искренне похвалил я ее. — И заслужила мороженное, — улыбнулся и протянул ей руку. — Ну что, пойдём?

— На улицу? — погрузилась она и как-то даже осунулась. — Может, дома останемся?

— Вот еще, придет твой муж и разгонит нас. А мне не хотелось бы, чтобы нам помешали. Давай, давай не робей, я же с тобой.

— Ну-у, если ты, прям, хочешь, — вздохнув, медленно проговорила сестра, — я быстро.

И скрылась в соседней комнате. Послышалось шебуршание и недовольное ворчание сестры.

— Ты что тут спала?

— Угумс, у меня бессонница, Дима выгнал, — усмехнулась она, — спать ему мешала.

— А на работу, что опять не ходила? — в ответ тишина, не хочет об этом говорить. Я знаю, она вновь не сошлась с новыми коллегами характером. По своей натуре Мила всегда тихая и

молчаливая, мелочным людям сложно с этим смириться. Считается, что если тебе нечего скрывать, то молчать, по меньшей мере, невежливо. Приглядываясь, любой заметит за моей сестрой определенный странный, непохожий, и от любопытства или от безделья, окружающие стараются выяснить, что же тут не так. Выискивая ее слабости, каждый считает своим долгом надавить как можно больнее, чтобы вызвать хоть какую-то ответную реакцию. Ты или будь как все, или умри, мне иногда кажется, именно этот девиз руководит большинством. А Матильда не может ответить им тем же, она просто отмалчивается и улыбается, но я знаю, в глубине души очень переживает. Это такая защита, выработанная с детства. И так было всегда. Еще будучи подростком, она часто приходила, а то и прибегала из школы домой в слезах. Исполненный праведного гнева я порывался начистить лицо ее одноклассникам, но Мила всегда останавливала меня с каким-то необъяснимым испугом. И страшилась она вовсе не мести или ответной реакции. Сестра неизменно боялась, что я покалечу невинных людей. Ведь они же не от хорошей жизни ее дразнят. У них проблемы, комплексы, их не понимают родители, не любят — и еще бог весть какие оправдания находились у Милы для этих подонков. Я, конечно, обещал ничего не делать, но

только предоставлялась возможность, вылавливал всех по одному и устраивал хорошую взбучку, так что Матильду потом долго обходили стороной. Но мы были детьми, теперь я не могу прийти к ней на работу и устроить потасовку в женском серпентарии, хотя иногда очень хочется.

— Я сказала, что заболела, — после недолгого молчания призналась сестра. — Нужно было это нарисовать, иначе это бы не ушло, понимаешь?

— Угу. Зачем ты вообще работаешь? Дмитрий не может тебя содержать?

— Может, но он считает, что социализация идет мне на пользу. А то из-за сидения дома у меня едет крыша. Он переживает.

— Бред, тебе это не идет на пользу, и ты прекрасно знаешь об этом сама.

— Не знаю. Я никогда не работала дольше года на одном месте. Я не могу ладить с людьми, мне надо пытаться.

— Зачем ладить с тем, что не стоит твоего внимания?

— Что ты такое говоришь! Не носи чуши, это я — мелкая песчинка, которая в жизни ничего не стоит. Даже детей не завела. Я вот часто думаю: встречу одноклассника, и он скажет — гляди, у меня есть семья, дети, престижная работа, я уважаемый всеми человек, а потом спросит — а чего добилась ты? А мне и сказать нечего, —

вздохнула Матильда.

— Начнем с того, что ты даже не узнаешь своих одноклассников. К тому же эта полная чепуха, кому-то что-то доказывать. Важно же не чего ты достиг, а как ты живешь. Не ты ли вталкивала это мне всю жизнь? Я, например, тобой горжусь как никем другим. Ты упорно идешь к своей цели и не разучилась к своему возрасту мечтать.

— Нет. Нет. Нет. Молчи! Или мы поругаемся. Ты ничего не понимаешь. Ты такой же бестолковый, как и я, только ты мужчина и тебе проще.

— Это с какой стати? — возмутился я. Сестра стояла в дверях, нарядившись в какие-то старые драные джинсы и растянутую футболку. — Ты можешь наверх что-нибудь попримочнее надеть? У тебя же была рубашка какая-то новая.

— Точно, — она метнулась обратно в спальню и уже оттуда продолжала: — Мужчине в нашем обществе можно быть не таким как все, это называется нонконформист или что-то такое. А если же женщина не будет вести себя, как подобает, то она определенно дура, а то и похуже. Женщине не положено противопоставлять себя обществу.

— Господи, кто тебе это все вбил в голову?

— Все братец, — она появилась в новенькой рубашке с коротким рукавом, — молчи, я все тебе

сказала, а то передумаю с тобой ехать! — и ультимативно перечеркнула перед моим лицом невидимую линию рукой.

— Всегда ты споришь, а когда проигрываешь просто говоришь нет, — я принял полушутливый тон, стараясь не обидеть ненароком сестру, — ведь так? Признайся! Тебе просто не хочется быть не правой.

Она только вздохнула и пошла по направлению к двери:

— Я уже ухожу!

Пришлось поспешить следом и, по всем правилам приличия, открыть перед ней двери.

— Мой галантный кавалер, — улыбнулась Матильда, боком проскальзывая в проход. Почему она всегда так делала, ума не приложу. У нее как будто была задача, независимо от исходных данных протиснуться, если представится возможность. — Только поехали в наше кафе? Окэ?

— Как скажешь, малыш, наше так наше!

Глава 7

Сестра человек-привычка, только знакомые вещи ее не пугают. Уговорить Матильду посетить новое заведение задача трудная, практически невыполнимая. Она, однажды случайно попав в какое-то место, больше не меняла его ни на что. Так

было и с магазинами, и с кафе, и даже с кемпингами, куда я иногда затягивал их с мужем отдохнуть на выходные.

Мы сели в машину и неспешно двинулись. Зная, как Матильда боится скорости, я старался особо не гнать, хотя мне трудно было перестроиться после мотоцикла. Постепенно за окном маленькие частные домики начали меняться на многоэтажки, по обе стороны дороги все чаще попадались яркие вывески магазинов, зазывающие покупателей, а движение становилось все затруднительней. Я тихонько ругался себе под нос на бесконечные заторы в нашем городе, а Мила пыталась успокоить. Она легонько ерошила волосы у меня на затылке и, улыбаясь, увещевала, что ничего ворчанием не изменить, поэтому не стоит нервничать. Ожидание, по ее мнению, хоть и долгое, но необходимое, и растрачивать свои эмоции на это нет смысла. Наконец, отстояв в пробке около получаса, мы въехали в центр. Ее любимое кафе находилось в квартале от главной улицы города, спрятавшись среди старых дворов. Это довольно уютное небольшое местечко, где почти никогда не бывало народу. Обычно один-два столика заняты, да пару завсегдатаев торчат у барной стойки. Удивительно, как оно до сих пор не разорилось. Я высказал свое недоумение, на что Матильда рассмеялась и с уверенностью ответила:

— Оно же существует специально для нас!
Это и без раздумий понятно.

Девушка-официант, знавшая нас в лицо, вежливо улыбнулась и поинтересовалась принести ли нам как обычно. Обычно — это черный чай и какое-нибудь пирожное для меня. Мила не любила сладкое. Она, вообще, кушать не любила. Смешно, но сестра однажды даже пожаловалась, что это необходимо делать каждый день. Бывает, конечно, и так, что она буквально сходит с ума от какого-то блюда и со всей страстью и вдохновением ест его при любой возможности. Но страсть длится у сестры неделю, потом ей все надоедает, и Мила опять ест от случая к случаю.

— Так что насчет книги ты мне хотела рассказать? — поинтересовался я. — Уже почти все закончил и тут как гром среди ясного неба.

— Ха, я же предупреждала, что история очень длинная, и это только ее первая часть, — хмыкнула Матильда, удивившись. — Ты что забыл? — и, видя мое недоумение, вздохнула. — Ох, значит, мне опять показалось, что я тебе это говорила, — она явно расстроилась, — прости. В последнее время со мной такое все чаще случается. Мне иногда кажется, что я как будто бы прыгаю по параллельным мирам. Знаешь, вот просыпаешься, вроде бы все как обычно, те же люди тебя окружают, те же предметы, но совершенно

меняется их точка сборки, — Мила бегло взглянула в мои глаза и, понимая, что это словосочетание мне ни о чем не говорит, пояснила: — Ну, это, можно сказать, что-то вроде положения вещей в пространстве, не в физическом смысле. Ну, как-то так, — сестра поджала губы и передернула плечиками, — неважно. Или, знаешь, сами люди меняются. Вот совершенно! Каждый день начинается с мыслей: чего же ожидать сегодня от того или иного, даже от близких. Поэтому на работу тяжело ходить. Но самое ужасное, меняется прошлое. Вот точно помнишь, что было так, а вокруг на тебя смотрят и говорят — да нет же, наоборот, все было как раз наоборот. Только ты со мной прыгаешь, у нас всегда общее прошлое, — а потом неуверенно добавила: — наверное.

— Это как-то странно, — только и смог я сказать, потому что ничего путевого на этот счет мне не приходило в голову. — Может ты мне и говорила, просто я был увлечен чем-то другим и не услышал? — попытался я ее успокоить и вернуть в позитивное русло наш разговор.

— Неважно, я почти свыклась с таким положением дел. Так вот, эта твоя героиня, волшебница. В общем, так получилось, что вроде бы ее как бы поселили жить под охраной, но на деле оказалось, что это самый настоящий арест. Магичку тайно судили и приговорили к смерти, но

девке удалось сбежать.

— Так, ее спас бойфренд?

— Не, он ее бросил, это же очевидно. Бойфренд, как ты говоришь, еще совсем незрелый мужчина, юноша, «со взором горящим», познающий мир. Он не решился брать на себя ответственность за происходящее. Ты должен был показать это в характере героя. Он потом возмужает и подвиг совершит, к сожалению, напрасный. Как раз во второй части.

— М-да, это переписывать опять, — я вздохнул, и начал методично выпрашивать подробности. Мы обсуждали сюжет около двух часов, пока, наконец, мне не стало все окончательно ясно. Материала набралось не на одну, а сразу на две книги. Было выпито два чайника, выкурена пачка сигарет, исписана толстая кипа салфеток. Информация уже не лезла в мой переполненный мозг. Я попросил остановиться: — Уф, давай я это пока переварю, потом расскажешь продолжение, — почти умоляя, пробился я в монологе своей сестры.

— А я вспомнила, в прошлый раз, ты мне сказал именно эти слова, — Матильда рассмеялась, — только потом не вини меня, — она пригрозила мне пальчиком.

— Тут уж как пойдет, — усмехнулся в ответ я.

— Ну и хорошо, а то я сама уже измочаленная, нужно помолчать, — она откинула

непослушные волосы со лба. — Что там у родителей? Они сильно ругались на меня?

— Чутка, а потом перешли на меня.

— Значит, был скандал, — заключила Мила. — Ну ты хоть отфыркивался?

— Сбежал, — засмеялся я. — погоди, дело серьезней есть. Мне такая хрень приснилась, до сих пор в себя прийти не могу, — и я рассказал ей о своем ночном приключении, предполагая как ее это заинтригует. Но слушала она меня с каким-то явно скучающим видом, и напротив ожидания, когда я закончил, только махнула рукой, как от надоедливой мухи.

— Ой, да это просто сонный паралич, со мной такое лет с четырнадцати было, — и замолчала.

Мало сказать, что я был разочарован. Мне так хотелось хоть как-то удивить свою сестру, хоть чем-то ее заинтересовать. Но она как всегда была на шаг впереди.

— Поэтому ты спала со светом всегда? — помолчав, спросил я. — Поэтому ко мне бегала ночами?

— Угу.

— И все что ты мне скажешь? Что его вызывает, сонный паралич этот?

— Как тебе сказать, — собираясь с силами, как перед забегом, после недолгого молчания начала Матильда, — официально ученые это

объясняют следующим образом: когда мы засыпаем, наш мозг парализует тело, чтобы если тебе снится, что ты бежишь, на деле ты не бежал. Иногда у человека с нарушением сна бывает, что он просыпается, а тело еще парализовано, вот и возникает такое ощущение. Паника и ужас — это всего лишь ответ мозга на невозможность двигаться.

— А тень, как это объясняют ученые? — у меня возникло подозрение, что придется вытаскивать информацию клещами.

— Обычные галлюцинации, как и звуки, — пожалала плечами сестра.

— Но это было слишком явно, понимаешь, я чувствовал тяжесть на себе! — не контролируя эмоции, буквально взорвался я.

— Тихо, ты чего, — Матильда обернулась по сторонам, — я знаю, я через это проходила много раз.

— Ладно, и что мне делать, чтобы такого не повторилось?

— Не засыпать на спине, соблюдать режим, беречь нервную систему, — начала перечислять сестра, но я ее перебил:

— А что ты мне скажешь на это все? Не ученые, а ты сама!

— А что я скажу, — вздохнула Мила, — мне перечисленные способы не помогают. Просто

проанализируй и пойми, что именно тебя тревожило в тот день, о чем ты думал перед сном. И не допускай этого больше.

— Хм, да ни о чем таком я и не думал, в общем-то, — прикинул я. — Как ты с этим справляешься?

— Я для себя поняла, что вызывает эти приступы, и стараюсь придерживаться определенных мыслей перед сном, вот и все.

— Мышь, я же не отстану от тебя, выкладывай.

Матильда пронзительно посмотрела на меня, нахмурила брови и плотно сжала губы.

— Я не думаю, что тебе будет это интересно.

— Мышь! — я понимал, что это ее проверка на стойкость. Надо просто не отводить взгляда от этих стальных серых глаз, которые в параллельной вселенной могли бы, наверное, и убить. Но я тоже не лыком сшитый, слишком хорошо знаю ее.

Наше противостояние длилось около трех минут. Она смотрела на меня в упор, а я, склонив голову на бок, так же не отводил глаз. Но вскоре взор ее потеплел, и она едва заметно улыбнулась.

— Ты — кот-обормот!

— Я жду ответа! — четко проговаривая каждое слово, потребовал я.

— Для меня это секс, — Матильда опять пожала плечами, как будто говорила о чем-то

обыденном и замолчала. В ее тоне и взгляде не осталось и следа от противостояния двух железных характеров.

— Погоди, как это? Что значит секс? — я растерялся.

— Раньше, я о нем часто думала. А теперь перестала и сплю спокойно, — но видя мои вздернутые брови, попыталась объяснить. — Неудовлетворенность моей сексуальной жизнью сводила меня с ума. А теперь я просто от этого отказалась. Теперь вся энергия направлена на творчество.

— А как же Дмитрий? Он тебя не удовлетворяет?

— А мы с ним уже около года не занимаемся этим, — Матильда помрачнела. — Ему не хочется. А я уже привыкла, мне так комфортней, как оказалось.

— Стоп, стоп, стоп! Как это «ему не хочется»? У него проблемы с этим?

— Может, хотя навряд ли. Он всегда такой был. Раньше мне приходилось его чуть ли не силой заставлять, хотя бы раз в неделю. Он то уставшим казался, то больным. Но потом я посмотрела на себя со стороны и поняла, мне бы тоже не хотелось с собой заниматься этим. Я некрасивая.

— Чего? — от удивления я невольно повысил голос. — Может он просто импотент?